

А.Ю. РОЩУПКИН

A.Yu. ROSHCHUPKIN

ЕЛЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ НА ЗАЩИТЕ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

THE YELETS FORTRESS PROTECTING THE SOUTHERN BORDERS OF MUSCOVY IN THE LATE XVI — EARLY XVII CENTURIES

Сведения об авторе: Рощупкин Алексей Юрьевич — аспирант кафедры российской истории и археологии Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (г. Елец. E-mail: alex.roschupkin@rambler.ru).

Аннотация. В статье раскрывается роль Елецкой крепости в охране южных рубежей Московского государства в конце XVI — начале XVII века; подробно описывается система организации сторожевой пограничной службы; приводятся исторические факты участия ельчан в отражении внешней агрессии и в событиях Смутного времени.

Ключевые слова: Елецкая крепость; степные набеги; Смутное время; сторожевая служба; станичная служба; городовая служба.

Information about author: Aleksey Roshchupkin — Postgraduate Student of the Department of Russian History and Archaeology of the Yelets State University named after I.A. Bunin (the city of Yelets. E-mail: alex.roschupkin@rambler.ru).

Summary. The article reveals the role of Yelets fortress in protection of the southern borders of Muscovy in the late XVI - early XVII centuries; describes in detail the system of organisation of the Border Guard Service, gives the historical facts of participation of local residents in repelling external aggression and in events of the time of Troubles.

Keywords: Yelets fortress; steppe raids; time of Troubles; guard service; stanitsa service; municipal service.

На протяжении нескольких столетий охрана южных русских границ являлась одной из приоритетных задач проводившейся правительством страны оборонной политики. В терминологии конца XVI — начала XVII века эти территории назывались «Подем» и находились в центре особого внешнеполитического внимания не только Московского государства, но и Крымского ханства и Речи Посполитой. Помимо экономических аспектов (использование плодородных земель и относительно развитой сельскохозяйственной инфраструктуры) данный регион занимал важное военно-стратегическое положение и в любой момент мог быть использован в качестве удобного плацдарма для захвата центральных областей России, включая её столицу. На определённом историческом этапе назрела необходимость создания на южных рубежах страны единой оборонной системы, включающей несколько городов-крепостей.

Для усиления пограничной службы и дальнейшего продвижения в глубь лесостепного пространства по указу из центра в 1585 году были построены Ливны и Воронеж¹. Однако они не могли защитить столь огромную территорию. После того как черкасские казаки в 1590 году безнаказанно сожгли Воронежскую

крепость², а в 1591-м отряды крымских татар прошли в центральные уезды³, было принято решение о возведении Елецкой крепости. В декабре 1591 года к остаткам Елецкого городища пришли первые строители будущей цитадели. В течение 1592—1593 гг. велись работы по возведению крепости и формированию елецкого гарнизона, а к 1594 году уезд обрёл своих первых поселенцев⁴. Параллельно с этим город был включён в систему сторожевой и станичной службы⁵.

Строительство Ельца было сопряжено с целым рядом проблем: набор необходимого количества служилых людей; массовое привлечение их к строительству крепости; многочисленные случаи бегства ратников в другие уезды и города. Это препятствовало эффективному функционированию елецкого гарнизона в плане предупреждения татарских набегов. В связи с этим для усиления сторожевой и станичной службы в Елец были направлены дети боярские и полковые казаки из соседних регионов. Дети боярские были присланы из Тулы и Рязани; полковые казаки — из Крапивны, Данкова и Михайлова⁶. Из 100 заявленных тульских детей боярских пришли 60 человек, а из 50 рязанских только 30 человек⁷. Поскольку строительство города и

острога продвигалось медленно, елецкий голова И.Н. Мясной заставил присланных людей трудиться на возведении укреплений. По факту самоуправства головы в Елец было прислано указание, чтобы детям боярским «городового дела делати не велели, а посылали их на сторожи в дальние проезжие станицы»⁸. В течение нескольких лет елецкий гарнизон был полностью укомплектован, поэтому необходимость в присланных детях боярских и казаках отпала, и их распустили по домам.

29 июля 1592 года в Москву от елецкого воеводы князя А.Д. Звенигородского и головы И.Н. Мясного была прислана роспись елецким сторожам. В росписи сообщалось «о расстановке 9 сторож вниз и вверх по Быстрой Сосне, и за Сосною в степь верст на сорок от города»⁹. Первый сторожевой пункт располагался в 6 верстах от Ельца вверх по р. Быстрой Сосне, в устье р. Воргол; второй в 20 верстах от города под Радушкиным лесом; третий вверх по р. Быстрой Сосне в устье р. Чернавы; четвёртый по Новосильской дороге вверх до Воргольского леса; пятый вниз по Быстрой Сосне в устье р. Пальны; шестой в устье р. Талицы; седьмой от города 3 версты за р. Быстрой Сосной, вверх по Сосне, на Козьей горе; восьмой от города 40 верст за р. Быстрой Со-

сной, в Паниковце; девятый за р. Быстрой Сосной, под Кательским лесом. Друг от друга сторожи располагались на день пути, иногда значительно ближе. Это позволяло поддерживать между отрядами постоянную связь, встречаться на границах контролируемых участков. Для патрулирования в сторожевых разъездах воеводой и головой выбирались опытные ратники из числа елецких детей боярских и служилых казаков. Сторожа ездили с 1 апреля вплоть до поздней осени, пока не выпадал снег. В случае необходимости сторожа могли посылаться и в более поздний период¹⁰.

Француз Жак Маржерет в своём труде о состоянии Московского государства конца XVI века подробно описал функционирование сторожевой службы¹¹. В степи существовала «дорога императора, дорога Крымского хана, дорога Великого хана». Поскольку воеводам этот маршрут был хорошо известен, на пути продвижения татар к русским границам выставлялись дозоры. Для наблюдения за окрестной территорией ими использовались естественные возвышенности. В основном это были высокие деревья. Под каждым из таких пунктов стояли по две осёдланные лошади. Один из наблюдателей держал их под узду, а второй сидел на вершине дерева и смотрел во все стороны. Увидев поднятую пыль, он слезал, садился на лошадь и скакал к другому дереву, крича издали и показывая рукой туда, где видел пыль. Сидевший на втором дереве ратник, увидев приближавшегося всадника и направление его знаков, давал команду своему напарнику. Тот садился на коня и скакал до следующего наблюдательного пункта. Такая эстафета

продолжалась до тех пор, пока информация не достигала ближайшего города или передового воеводы. Оставшиеся в степи ратники прятались и следили за численностью перемещавшихся татар. После прибытия наблюдателей в город принималось решение о дальнейших действиях.

Елецкие служилые люди помимо сторожевой службы были привлечены к станичной службе. Они должны были небольшими группами выезжать из Ельца и по заранее намеченному маршруту двигаться по территории «Поля». Пройдя определённый участок, ратники возвращались в город. В Ельце были назначены 10 станичных отрядов. К каждой станице были прикреплены по 8 детей боярских с головами и по 2 елецких казака¹². Поскольку на первых порах елецкие дети боярские были заняты обустройством хозяйства и распашкой земли, они не принимали участия в «государевой» службе. Их замещали присланные дети боярские. В последующем место приглашённых детей боярских заняли ельчане. Они выбирались из конных детей боярских и казаков, кто знал территорию «Поля» и урочища. За службу государство жаловало им по 4 рубля¹³. Елецкие станичные отряды патрулировали свой участок совместно с епифанскими и рязанскими служилыми людьми.

В Ельце приезжие станичники могли останавливаться на отдых. Вследствие различных обстоятельств местные власти не всегда могли предоставить им необходимое место для постоя и хранения имущества. Весной 1593 года голове И. Мясному было выслано предписание оказывать помощь епифанским и рязанским станичникам. Теперь их должны были распределять по казачьим домам. Если у станичников было желание, они могли ставить собственные дворы. Порой между ельчанами и приезжими возникали бытовые конфликты, поэтому последним было указано «не чинить тесноты и стоять у казаков смирно»¹⁴.

К моменту завершения строительства крепости в елецком гарнизоне были записаны около 200 человек детей боярских¹⁵, а также не менее 700 служилых казаков¹⁶. Наиболее опытные из них выбирались для патрулирования окрестностей Ельца и выезда на раскиданные по территории «Поля» дальние сторожи. Большая же часть казаков находилась в слободах вокруг крепости. Это давало воеводе и голове возможность использовать

многочисленные казачьи сотни для городской службы.

Казаки наряду со стрельцами сторожили город и острог, следя за периметром и порядком внутри крепости. Нередко между набранными служилыми людьми возникали конфликтные ситуации. Из материалов одного из таких дел стало известно, что для сотни казаков приказа М. Хотьинцева голова И.Н. Мясной распisał находиться в сторожах, в остроге на Ливенских воротах¹⁷. Другие казачьи сотни также были задействованы в охране крепости. Это подтверждается указанием елецким служилым людям о том, что в случае татарского нападения все дети боярские, казаки, стрельцы, пушкари и затынщики должны были своевременно закрыть городские ворота и приготовиться к осаде согласно их «рописи»¹⁸.

Участвовавшие в станичной и сторожевой службе ратники находились в более привилегированном положении. Согласно указу 1593 года «О жалованье за убытки на сторожевой службе»¹⁹ его содержание распространялось на путивльских, ливенских и елецких станичников. Государство возмещало им стоимость понесённых в бою потерь. За «доброе» коня служилому человеку выплачивали 4 рубля. Если под ним был убит мерин, выплата уменьшалась до 3 рублей. В случае гибели служилого человека на службе, будь то в степи или уезде, его жене и детям государство выдавало единовременное жалованье по 4 рубля. Подобная поддержка помогала ратникам не оставлять своей службы, а их семьям получать минимальную помощь после потери кормильца.

С окончанием строительства крепости елецкие казаки вместе с детьми боярскими продолжали нести возложенную на них сторожевую, станичную и городскую службу, обустроивали быт, занимались земледелием.

Важным элементом патрулирования был сбор информации о степняках. Для этого станичникам поручалось ходить в степь за «языками добрыми», которые могли рассказать о времени прохода крымских отрядов и маршруте их передвижения. Полученные сведения посылались в Ливны или «украинные» города, чтобы головы были постоянно осведомлены о происходивших на «Поле» передвижениях. Елецким головам, которые были на Сосне, те головы должны были «посылать б проезды, с елецкими проезжими, которые от елецких голов будут

Стрелец

Рисунок Э. Пальмквиста, 1674 г.

сезжаться, чтоб обоих проезжиков порозжих мест не было»²⁰. Это было необходимо для того, чтобы войска крымского хана, царевичей или черкасские отряды «на наши украины безвесно не пришли»²¹.

Для большей эффективности мер по обнаружению неприятеля головам елецких и ливенских отрядов, пересекавшихся при патрулировании, было дано указание действовать сообща. Это позволяло «над черкасы и над татары и над малыми людьми промышляли все вместе по нашему наказу, смотря по тамошнему делу»²². Необходимое условие достижения поставленной цели правительство видело в том, чтобы «розни бы меж их не было, чтоб их рознью нашему делу порухи не было; а у ково будет рознь, и тем от нас быты казнённым (наказанными). — Прим. авт.»²³.

В начале XVII века Российское государство столкнулось с назревающим в течение последних десятилетий предшествующего столетия внутренним кризисом, вошедшим в историю как Смутное время.

К моменту продвижения в конце 1604 года отрядов Лжедмитрия I к русской границе служилые люди разных городов активно обсуждали события, происходившие на юго-восточных окраинах. После вторжения самозванца в пределы «северских» земель гарнизоны Чернигова, Путивля, Рыльска, Севска и Кром присоединились к его войску. Несмотря на это, многие «польские» и «украинные» города остались верны Борису Годунову. Ельчане были в числе тех, кто поддержал выборного царя и следовал указаниям из центра. В войско, посланное против самозванца, из Ельца для полковой службы были направлены несколько сотен казаков и стрельцов²⁴. В большом полку под началом головы Семёна Ивашкина и двух сотников служили 200 елецких конных казаков с пищальми, а также 100 стрельцов во главе с сотником. В полку правой руки под началом Аксёна Ходырева и двух сотников находились 200 елецких конных казаков с пищальми. Важно отметить, что в отличие от некоторых других «украинных» городов (Епифань, Гремячий, Новосиль, Венев, Рязьск и т.д.) из Ельца не мобилизовали ни одного сына боярского.

Однако в дальнейшем несогласованность царских воевод и непоследовательность их действий способствовали тому, что многие южные крепости признали законным правителем «царевича Дмитрия». Служилые люди елецкого гарнизона перешли в лагерь противника.

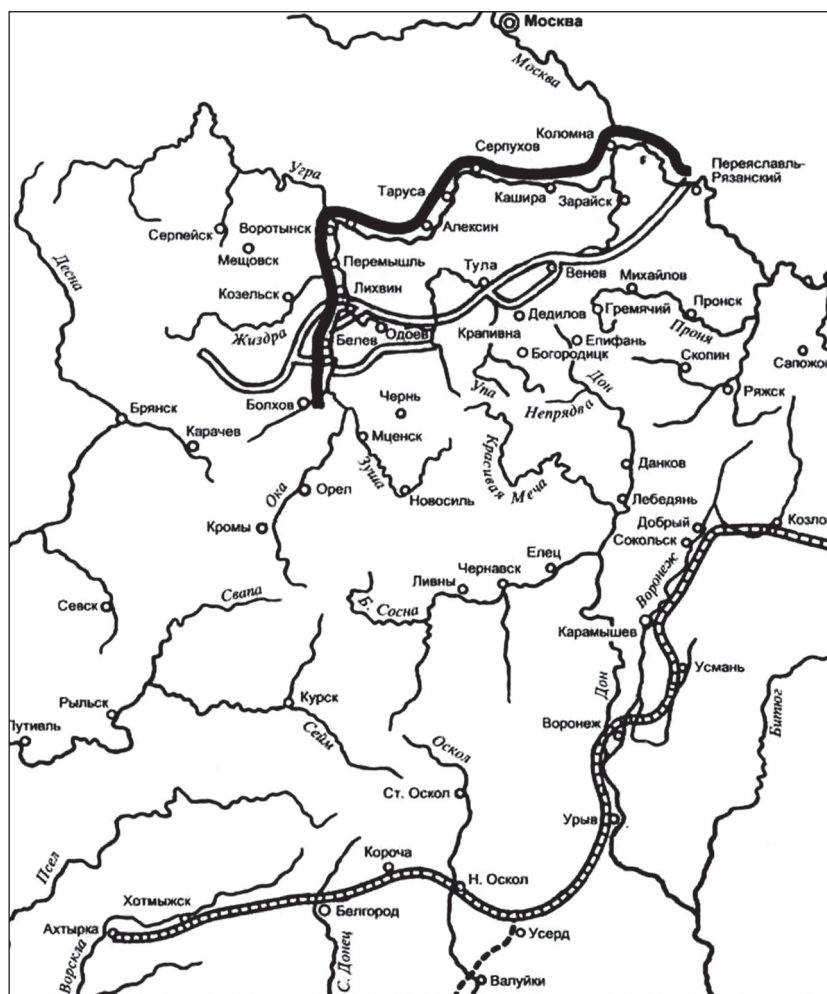
Сделав выбор в пользу Лжедмитрия I, город стал на несколько лет одним из ключевых пунктов в противостоянии официальной власти и самозванцев. Вступление на престол Лжедмитрия I определило для Ельца новую роль в геополитической игре. Город был выбран в качестве стратегической базы для весеннего похода против крымских татар. Однако Лжедмитрий преследовал другие цели. Этим актом самозванец хотел лишь продемонстрировать своим польским покровителям возросшую военную и политическую силу²⁵.

После гибели первого самозванца ельчане поддержали И. Болотникова, распространявшего известие о спасении «Дмитрия». Елец наряду с Кромами и Путивлем стал одним из очагов сопротивления восставших против власти Васи-

лия Шуйского. В течение лета 1605 года под Ельцом были сосредоточены правительственные войска во главе с князем М. Воротыньским. Ельчанам удалось сковать около стен города значительную часть правительственных войск, что позволило И. Болотникову развить стремительный проход от Кром в центральные уезды страны²⁶.

После того как эпицентр событий переместился с южных рубежей к стенам Москвы, ельчане начали постепенно отходить от идеи поддержки самозванцев. Проход в начале лета 1607 года отрядов «вора Петрушки» через Елец к Туле стал последним актом активного участия ельчан в борьбе с Василием Шуйским²⁷. С этого времени вплоть до 1610 года ельчане формально поддерживали кандидатуру «царя Дмитрия», но город фактически на-

Оборонительные рубежи южнорусских «украин»

Оборонительные рубежи южнорусских «украин»

- «Берег» (начало XVI в.)
- Засечная черта (вторая половина XVI в.)
- Белгородская черта (середина XVII в.)
- Изюмская черта (последняя четверть XVII в.)

ходился на правах самоуправления, не признавая официальной власти.

В 1612 году Елец наряду с другими крепостями Юга России успешно отражал «степные набеги». Тогда из многих «украинных городов» было собрано войско под командованием Г. Тюфякина. Воеводе удалось разбить отряд черкас и освободить захваченных пленных²⁸. Для предупреждения опасности елецкому воеводе Ф. Волконскому было выдано предписание «на черкасы ходить и промышлять». Елецкий гарнизон выступал в качестве опорного пункта, откуда в войско М.П. Борятинского в случае острой необходимости могли быть направлены «сотни многие» служилых людей. Если приход черкас в южные уезды был неизбежен, ельчанам предписывалось усилить дозор и приготовить город к возможной осаде²⁹.

Елец наряду с Ливнами, Новосилью и Орлом входил в число городов, ответственных за оповещение о передвижениях татарских и черкасских отрядов. Служилыми людьми использовалась отлаженная за многие годы система предупреждения. В Ельце находились дети боярские «для вестей, переменя добрых о дву конь». Если в город прибегал с «Поля» «голова, или станичник, или сторож, или выездный, или кто-нибудь с вестями», его детально расспрашивали о приближавшихся отрядах. После этого вестовщики бежали в Тулу, где сообщали воеводе сведения о грозившей опасности. Служилому человеку не всегда удавалось добраться с важным известием до ближайшей крепости. На тот случай, если ратник попадал в плен, он имел чёткие указания дезинформировать неприятеля и сообщить об огромных царских силах, сосредоточенных на границе³⁰.

Кроме угрозы татарского вторжения в южные уезды, перед новым правительством Михаила Романова встала задача ликвидации остатков литовских отрядов. В середине июня 1615 года в район Брянска на помощь Д.И. Пожарскому для борьбы с полковником А.И. Лисовским были посланы служилые люди из Ельца³¹. К зиме под командование Пожарского прибыли 200 елецких детей боярских, а также с головой Азеем Сапутиным 300 конных казаков с «вогненным боем»³². В 1617 году в наступательной операции в районе Болхова ельчане вошли в войско, возглавлявшееся воеводой В. Турениным и Д. Скуратовым. Елецких детей боярских прибыли 350 человек, а конных казаков с го-

ловой 250 человек³³. В октябре 1617 года 200 елецких казаков вместе с Д.И. Пожарским участвовали в событиях под Калугой³⁴. В начале 1618 года в Мценске были собраны войска для похода на литовских людей, пришедших в Стародуб. Из Ельца были призваны 300 детей боярских и 100 казаков³⁵.

Часть елецких детей боярских и казаков принимала участие во встречах и сопровождении послов. Так, в 1617 году для посольской службы из Ельца были задействованы 200 детей боярских³⁶. В 1618 году 310 елецких казаков, которые остались «за Колужскою службою», были посланы в Воронеж для встречи «турских посланников»³⁷.

Трагическим эпизодом в истории Ельца стали июльские события 1618 года, когда черкасские отряды гетмана П. Сагайдачного, идя к Москве на помощь к королевичу Владиславу, прошли по южнорусским уездам. Казаки Сагайдачного оставили после себя след разрушений и людской скорби. Наибольший урон был нанесён Ливнам и Ельцу. Елецкий служилый гарнизон в полном составе встретил шедшую из Ливен угрозу. Однако силы были не равны. Казаки стремились захватить царскую казну, находившуюся в городе. Жажда наживы не оставила шансов для осаждённого города. Елец был разрушен, а часть его жителей была уведена в плен³⁸.

Однако Елецкая крепость к тому времени уже успела сыграть важную роль в обороне южнорусских рубежей от внешней агрессии. Благодаря действиям её гарнизона были отражены многочисленные набеги крымских татар и степных кочевников; ликвидированы группы польско-литовских захватчиков; расширены границы Московского государства. В его состав вошли новые земли по реке Ельцу, вдоль реки Быстрой Сосны и на юг от неё, по рекам Бруслановке и Свишне. Вокруг города были сформированы несколько станов: Елецкий, Бруслановский, Засосенский и Воргольский³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 197.

² Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1989. С. 165.

³ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 209.

⁴ Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца

и заселении окрестностей в 1592—1594 гг. Елец, 2001.

⁵ Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI—XVII вв. Тула, 2011. С. 28—30; Кусаинова Е.В. Служилое казачество в России в XVII в. // Власть. 2009. № 6. С. 138, 139.

⁶ Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Указ. соч. С. 113—115.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Акты Московского государства (АМГ). Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571—1634. СПб., 1890. С. 62, 63.

¹⁰ Там же. С. 2—5.

¹¹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии // Россия глазами иностранцев. Л., 1986. С. 252.

¹² Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Указ. соч. С. 186.

¹³ Там же. С. 190.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 23, 24.

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ АМГ. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571—1634. С. 63.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ Там же. С. 92.

²² Там же. С. 93.

²³ Там же.

²⁴ Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора. М., 2004. С. 383, 384, 395.

²⁵ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 125, 143, 153; Буссов К. Московская хроника / Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 53; Новый летописец / Там же. С. 307; Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. Сочин. онаго ж Троицкого монастыря келарием Авраамием Палицыным. 2-е изд. М., 1822. С. 29, 30.

²⁶ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.) М., 1907. С. 42, 85, 117, 156; Новый летописец. С. 310; Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 244; Бер М. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859. С. 79, 80; Буссов К. Указ. соч. С. 86; Масса И. Указ. соч. С. 154.

²⁷ О восстании Болотникова (Из Карамзинского хронографа) // Смирнов И.И. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953. С. 145.

²⁸ Новый летописец. С. 364.

²⁹ Книги разрядные, по официальным оным спискам изданные с высочайшего соизволения II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. Т. 1. СПб., 1853. С. 34.

³⁰ Там же. С. 42—44.

³¹ Там же. С. 47, 48.

³² Там же. С. 157.

³³ Там же. С. 248.

³⁴ Там же. С. 419, 421.

³⁵ Там же. С. 471, 472.

³⁶ Там же. С. 404.

³⁷ Там же. С. 484.

³⁸ Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 55—64; Воробьев А.В. Осада Ельца войсками гетмана Сагайдачного летом 1618 г. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Сб. статей: В 2 т. Т. 2. Тула, 2008. С. 150—154.

³⁹ Ляпин Д.А. Указ. соч. С. 5.